

ПРЕДИСЛОВИЕ

Эта книга — всего лишь попытка биографии Владимира Аполлинариевича Снежинского. Не считая себя вправе судить и оценивать его деятельность, я сначала видела свою цель лишь в том, чтобы дополнить и пояснить документы его архива кое-чем из семейных легенд и своими воспоминаниями. Поняв в 80–90-х годах, что правда о времени, пережитом им и его ровесниками, не должна забываться, я решила записать все, что помню и знаю о его жизни.

Он пережил пять войн и три революции, голод, коллективизацию, репрессии, сокрушительные удары не только от врагов Отечества во время войн, но и по сердцу, по отечественной культуре, потери близких, друзей и сотрудников.

Пятьдесят два года он отдал Российскому военно-морскому флоту, и его биография отражает полвека истории этого флота и, конечно, сложности того времени, когда флот возрождался после революции и Гражданской войны. При этом он сумел не впасть ни в одну из крайностей, остаться самим собой, сохранить верность вековым устоям культуры, общечеловеческим ценностям и традициям Российского флота, в частности, научной работе моряков.

Исследования русских моряков-гидрографов положили начало океанографической науке в России. Моряки гидрографы-геодезисты фактически создали известную нам карту не только своей страны, но отчасти и карту мира. Береговые линии материков, острова, заливы и проливы, глубины моря — все это нанесено на карту моряками.

Забвение тех, кто трудился у истоков, в начале науки, службы, организации — то же, что незнание своих предков, своего прошлого.

Поколению В. А. Снежинского пришлось жить в очень сложное время, когда научная мысль оказалась в тяжелых условиях. Погибло множество талантов, не имевших возможности свободно развиваться и работать. Интеллектуальному потенциалу общества был нанесен большой ущерб. Создавались идеологические мифы во всех сферах производства,

науки и культуры, одобренные и прославленные партией герои, ученые и рабочие, артисты и писатели. Любая значимая должность обязывала человека по долгу службы внедрять эти мифы в жизнь, в «массы», и он часто становился в той или иной мере их жертвой. Мифы до сих пор живут, мешая правильной оценке прошлого. А в прошлом они не дали проявить себя многим талантливым людям.

Но обо всем положительном, человечески ценном, что было в то время, должна сохраниться благодарная память. Как бы ни сложилась дальнейшая судьба нашего общества, какими бы новыми путями оно ни шло, нужно иметь национальное достоинство и уважать свою историю и ее лучших людей, помнить о честных людях, веривших в правоту святого дела — улучшения жизни народа и создания справедливого общества. Путь оказался сложным, тернистым, но тем выше их достоинство.

Наша история многократно переписывалась, перестав быть истинной историей. Еще Л. Н. Толстой призывал людей прекратить лживую комедию «построения» истории, а начать просто жить. Жить в Божьем мире, где «под небом места много всем».

Мне хотелось написать «о том, почему не сбылось многое, что могло быть» (из письма В. А. Снежинского). И свой долг я увидела в словах Вл. Соловьева: «Обязанность сыновней любви к отцу потребует от нас не того, чтобы мы восхваляли его заслуги и дарования, а того, чтобы мы помогли ему снять с себя или по крайней мере облегчили удручающее его бремя. Разве не то же и относительно отцов умерших? Облегчить бремя их души — вот наша обязанность»¹.

Прежде всего, этого требует его доброе имя, так как есть масса неточностей и ошибок принципиального характера в официальных юбилейных и других «датских» изданиях, часто наспех и небрежно составленных. Многих обманывала сдержанность В. А. Снежинского, скромность и внешняя простота, за которой скрывалась многогранная и тонкая натура. Поверхностное, неглубокое знание его деятельности, непонимание места морской гидрометеорологии и Гидрометслужбы в системе обеспечения флота привели к тому,

что не однажды я слышала, что он «не гидрограф». И это о человеке, окончившем гидрографический факультет ВМА, участвовавшем в его организации, многие годы заведовавшем его кафедрой, печатавшем свои труды в «Записках по гидрографии», члене редколлегии этого журнала, начальнике двух отделов Главного Гидрографического Управления ВМФ, редакторе и соавторе почти всех Лоций морей мира, изданных за 52 года его службы! Столь же «глубоко» мнение, что он практик, прикладник, так как он был противником кабинетных, «научнообразных» трудов. В. А. Снежинский разделял мнение великого Менделеева, который считал, что «роль наук служебная, они составляют средство для достижения блага <человечества> ».

По самой своей сути флот, используя лучшие современные технические достижения, издавна притягивал самых культурных образованных людей. Он не только являлся средством транспорта и обороны, но открывал людям горизонты мира, показывал его многообразие, развивал, обогащал духовно. Моряки всегда были самой прогрессивной частью вооруженных сил. Жизнь Снежинского — одна из миллионов, но в ней можно найти черты, типичные для русского моряка. В то же время его личность уникальна, как любая личность, и заслуживает внимания и доброй памяти.

Чтобы не допускать «раскавычивания», не выдавать за свое то, что другие высказали раньше и лучше, я часто прибегаю к цитатам. Цитата — это документ, особенно если она применена к конкретному лицу. В социологии любую информацию, фиксированную тем или иным способом, называют документальной. Поэтому обилие цитат в документальной биографической повести вполне правомерно. Биография человека всегда версия, авторская гипотеза. В этих очерках не следует искать ни исторической полноты, ни объективности. Они субъективны, это мой индивидуальный взгляд на жизнь моего отца. Может показаться неоднородным их стиль, но это объясняется тем, что факты, книги, люди и события, о которых я пишу, это круг проблем, это элементы тех многообразных интересов, которые были у Снежинского, те вопросы истории и организации флота и гидрометеорологии, о кото-

рых он размышлял, о чем хотел написать, но не успел. То, что в этой книге может показаться лишним — вставки об исторических лицах, о морском образовании, различных событиях или проблемах — не только не лишни, но необходимы, чтобы лучше его понять. Каждому вопросу соответствует свой стиль изложения.

Думаю, что полное постижение человека — своего рода абсолютная истина, доступная только в идеале. Я же написала лишь о некоторых гранях личности Снежинского, об основных периодах его работы, о том, что было доступно моему наблюдению и пониманию в общении с ним, написала то, что знала.

В. А. Снежинский всегда считал себя лишь рядовым в строю бесчисленных российских моряков, стремившихся достойно исполнять свой долг. Никогда он не ставил перед собой честолюбивых целей, у него было сильнейшее чувство ответственности. Многие его дневники и записки пропали, он не успел написать воспоминаний. Не имея возможности пользоваться архивными секретными и другими материалами учреждений, с которыми был связан В. А. Снежинский, я довольствовалась небольшим семейным и его личным архивами и домашней библиотекой; в книге использованы только открытые источники.

Предвижу указания на ошибки фактического характера или неточности. Но нет ни одной книги, справочника или даже энциклопедии без ошибок. В то же время ни одна цифра, ни одна дата здесь не приводится без оснований. (Можно спорить об этих основаниях, но это уже другой разговор.)

Живя всю жизнь с отцом вместе, я часто присутствовала при его встречах и разговорах с сотрудниками, друзьями, ветеранами Гражданской войны, я получила возможность прочесть их воспоминания.

А. Н. Лебедев, С. А. Николаев, А. А. Перроте, В. Л. Бжезинский, Н. И. Ордынский, Н. И. Дружинин, бывавшие в нашем доме, носили благородный отпечаток поколения, выросшего до 1917 года, когда нравственные устои были незыблемы и обязательны для порядочного человека, а для офицера особенно. Причем социальное происхождение этих людей могло

быть самым разным, как и образование. Можно говорить лишь о принадлежности человека к культуре определенного времени, эпохи, социума. Их воспоминаниям я верю больше, чем книгам множества людей, не участвовавших в событиях.

Особенно много времени я проводила с отцом в последние двенадцать лет его жизни, составляя вместе с ним альбомы, разбирая бумаги и книги. В наше время практически невозможно сказать что-то новое, но каждый может по-новому, по-своему сказать об уже известном.

Прошу специалистов простить мое дилетантство. Я взялась за эту ответственную работу, потому что интересы отца не были мне чужды. По образованию географ, я работала в родственных его службе учреждениях: Гидрометеоиздате, Главной Геофизической обсерватории, Морском Атласе, Государственном гидрологическом институте, нередко советовалась с отцом. Кроме биографии, мне хотелось написать о том, чего нам всегда не хватает и о чем нелишне повторять: популярный по форме, доступный любому человеку рассказ о прошлом, об истории нашего флота, о научном мореведении, о гидрографии и гидрометеорологии. Поэтому некоторые главы книги — азбука, известная каждому моряку, штурману и гидрографу. Это любил, этим мечтал заняться Владимир Аполлинариевич. Он вообще считал, что о многих научных проблемах можно писать понятно, доступно каждому образованному человеку.

«Как мореплаватель, застигнутый бурей, бросает бутылку в море, так я доверяю эту мою запись бурному океану дней. Достойнее нет труда для человека, как вырвать что-либо, хотя бы самую малость, у забвения и небытия»². Такой была моя цель.

Благодарю всех, кто помог мне написать и издать эту книгу, особенно Галину Владимировну Снежинскую.

Вечная благодарная память тем, кого уже нет.

Примечание: Позволю себе после первых упоминаний фамилии, исключительно для краткости, писать только инициалы (В. А.).

И. В. Снежинская
Санкт-Петербург

СОКРАЩЕНИЯ

- АКВФ — Астраханско-Каспийская военная флотилия.
БГМС — Базовая гидрометеорологическая станция.
ВВФ — Волжская военная флотилия.
ВКВФ — Волжско-Каспийская военная флотилия.
ВМА — Военно-морская академия.
ВМАКВ — Военно-морская академия кораблестроения и вооружения.
ВМНО — Военно-морское научное общество.
ВМУ — военно-морское училище.
ВМФ — Военно-морской флот.
ВНИРО — Всесоюзный научно-исследовательский институт рыбного хозяйства и океанологии.
ВНО — военно-научное общество.
ВОВ — Великая Отечественная война.
ВП — Временное правительство.
ВСЮР — Вооруженные силы Юга России.
ВХУТЕИН — Всесоюзный художественно-технический институт.
ГГИ — Государственный гидрологический институт.
ГГО — Главная геофизическая обсерватория.
ГГУ — Главное Гидрографическое управление.
ГД — Гидрографический департамент.
ГИСУ — гидрографическое судно.
ГНИНГИ — Государственный научно-исследовательский навигационно-гидрографический институт.
ГО ЧФ — Гидрографический отдел Черноморского флота.
ГУ — Гидрографическое управление.
ГУГК — Главное управление геодезии и картографии.
ГУГМС — Главное управление гидрометеорологической службы.
ГУНиО — Главное управление навигации и океанографии.
ГФО — Главная физическая обсерватория.
ЕГМС — Единая гидрометеорологическая служба.
МГГ — Международный геофизический год.
МО — Министерство обороны.
НВРУ — Нижегородское Владимирское реальное училище.
НИГШИ — Научно-исследовательский институт гидроштурманских инструментов.

ОГК — Отдельные Гардемарины классы.

ОДВФ — Общество друзей воздушного флота.

Осоавиахим — Общество содействия авиации и химической обороне.

ОТП — Отдел торговых портов.

ПИНРО — Плавучий институт рыболовства и океанографии.

РАН — Российская Академия Наук.

РГА ВМФ — Российский государственный архив Военно-Морского флота.

СБС — Севастопольская биологическая станция.

СКУКС — Специальные курсы усовершенствования командного состава.

СМО — Севастопольская морская обсерватория.

УВМУЗ — Управление военно-морских учебных заведений.

ЦАО — Центральная аэрологическая обсерватория.

ЦГА ВМФ — Центральный государственный архив Военно-Морского флота.

ЦГА СА — Центральный государственный архив Советской Армии.

ЦДЮТ — Центр детского и юношеского туризма.

ЦУМОР — Центральное управление морских портов торгового флота.

ЧФ — Черноморский флот.

ЭПРОН — Экспедиция подводных работ особого назначения.

ДЕТСТВО. СЕМЬЯ. СЛОБОДКА

В старину священникам нередко давали фамилии по названию церкви (Вознесенский, Покровский, Успенский, Знаменский и т. п.), в которой они служили, а приход передавался по наследству. Предок получил фамилию по церкви во имя Богоматери Снежной, почитаемой в Восточной Европе. Предок Снежинских, от которого можно вести род, служил в слободке Кучской Новоушицкого уезда Каменец-Подольской губернии. Это было гуцульское село, в роду были гуцулы и русины.

Подолія — край, издавна населенный славянами. Она лежит на Авратынском нагорье, в восточной части Воыно-Подольского плато. Разнообразный рельеф, столовые горы (от 370 м) с одиноко выступающими скалами, обнажения белого известняка, склоны, покрытые светлыми дубовыми и буковыми рощами, притоки Днестра, то прихотливо вьющиеся по долине, то пробивающие себе русло в гранитах и известняках, образуя ущелья, — все это создало необычайно живописный ландшафт. В известковых склонах нередко образуются карстовые пещеры, из которых каскадами низвергаются водопады.

Днестр, начинаясь в Карпатах, в среднем течении принимает несколько левых притоков, почти параллельно текущих по долинам, отсюда — название Подолія. Берега покрыты яркой зеленью, бело-розовыми цветами весной, виноградниками, пышными зарослями сливы и кизила. В нижнем течении образуются Днестровские плавни, а у самого впадения в Черное море — Днестровский лиман. Днестр питается горными снегами и дождями, его паводки бывают не один раз в году. В нем много перекатов и мелей, островов с быстринами у берегов, поэтому на реке всегда отмечали вехами фарватер.

Этот плодородный цветущий край издавна был ареной войн с завоевателями. В древности здесь были греческие колонии. Вблизи села Беляевка была найдена плита с письменами императора и чиновников на греческом и латинском языках — о правах римского гражданства и торговле без

пошлин. Расположенный на правом берегу Днестра Хотин, крепость второй половины XIII века, был ареной боев славян против турок. Когда-то Подолия была одной из литовских (XIV в.) а затем польских провинций. В 1621 г. украинские казаки вместе с поляками одержали победу над 150-тысячной армией султана Османа Второго.

Выше по течению, около села Ольховец — гора Тараса Бульбы, где, по преданию, погиб герой повести Гоголя. В нижнем течении у села Маяки после присоединения Очакова к России стали селиться православные старообрядцы. У села Старая Ушица в известковых скалах были руины монастыря XII в. Развалины старинных замков, крепостей, монастырей когда-то напоминали о древней истории края. В 1787 г. правительство России обратилось к украинским казакам за помощью в войне с Турцией. Первым атаманом «Черноморского казачьего войска» был Сидор Белый. Он погиб в бою, но победил.

Буковина в 1772 г. была занята австрийскими войсками и до 1918 г. оставалась провинцией Габсбургской монархии.

Приток Днестра Смотрич у Каменец-Подольского входит в глубокий каньон, разделяющий город на две части — новую и старую — Заречье. Каменец-Подольский — в прошлом один из трех крупнейших центров Киевской Руси наряду с Киевом и Львовом. На крутых каменистых берегах Смотрича высится старинный замок-крепость, у стен которого русские издавна воевали за свою независимость с татарами, турками, литовцами, поляками, австро-венграми, немцами. Только в 1793 г. Подолия была воссоединена с левобережной Украиной в составе Российского государства. История быстро забывается, поэтому напомним, что Приднестровье — это все Приднестровье, а не южная его часть, и оно издавна было населено русинами и славянским племенем Куча, отсюда и название села — Слободка Кучская.

Каменец-Подольской крепости шесть веков. Каждая из ее двенадцати башен имеет свое название. Здесь был заточен и отсюда совершил смелый побег народный герой Устин Кармалюк. В городе можно было видеть и православный храм,

Старинная православная церковь
в Каменец-Подольском

и костел, и синагогу и армянское подворье. Особенно интересна одна церковь, в архитектуре которой отразилась история края. При турецком господстве христианский православный храм превратили в мечеть, пристроив к нему минарет. Под властью Польши храм стал униатским, а на вершине минарета водрузили статую Пресвятой Девы Марии. А когда в 1795 году Каменец-Подольск вошел в состав России, храм снова стал православным. На крыше установили православный крест, оставив и статую Пресвятой Девы.

Была около города огромная известковая пещера «Атлантида»... Пишу

я «была», «был», так как не уверена, что все это сохранилось: огромные корпуса цементного завода, как и близость Южно-украинской АЭС могли изменить уникальную природу, которую следовало бы беречь как реликвию.

В городе жили в разное время поэты Батюшков и Шевченко, писатели В. Даль и М. Коцюбинский, народник Г. Мачтет, автор песни «Замучен тяжелой неволей», здесь родилась актриса Мария Савина, а Михаил Булгаков служил врачом в госпитале.

Усадьба Д. М. Без-Корниловича была богатейшим коллекционным питомником плодовых и ягодных растений. Здесь летом 1882 г. гостил его племянник Г. Е. Грум-Гржимайло, будущий ученый географ и путешественник, сотрудник энциклопедии Брокгауза и Ефрона, автор статей по географии

Средней и Центральной Азии. За лето он совершил несколько экскурсий по Авратынскому нагорью до Могилев-Подольска и собрал коллекции, которые передал Зоологическому музею Академии Наук.

В селе Каменка на левом берегу Днестра в имени своего родственника Л. В. Давыдова, потомка декабриста В. Л. Давыдова, гостил Петр Ильич Чайковский. Около двух месяцев в 1820–1821 гг. здесь провел А. С. Пушкин.

Членом Подольского окружного суда и следователем был д. с. с. Федор Омиров, тесть А. В. Колчака.

В слободке Шелиховской Деражнянского района Хмельницкой области жила у своей сестры мать Анны Ахматовой Инна Эразмовна Горенко. Анна Андреевна однажды гостила здесь летом.

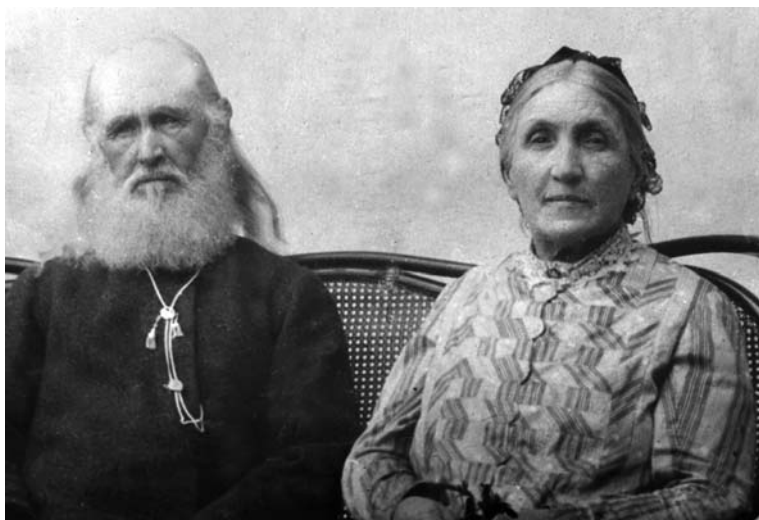
Через Подолию проходила «черта оседлости», к востоку от которой запрещалось селиться евреям. Здесь была самая большая в европейской части России плотность населения. По законам царской России евреи могли жить только к западу от черты оседлости. Они не имели права собственности на недвижимость и землю и могли заниматься только ремеслами и «художествами», как и цыгане. Поэтому большинство аптекарей, портных, сапожников, часовщиков, фотографов и музыкантов составляли евреи. Получить высшее образование и путь в «общество», жить в Москве и Петербурге они могли, только приняв православие, то есть изменив вере предков. Еврейское население было неоднородно, низы жили в ужасающей нищете, скученно, еврейская община старалась помочь беднякам, но их было слишком много... Люди труда, русские, украинцы, сами хорошо знавшие нужду, не могли не сочувствовать им и старались жить дружно. На многонациональной почве, на основе терпимости и доброжелательности образовалась смешанная культура. Она дала нам Шевченко, Гоголя, Ахматову, Э. Ожешко, С. Крушельницкую, М. Коцюбинского, братьев Немирович-Данченко, М. Булгакова, Короленко, Я. Ивашкевича. Список можно продолжать бесконечно, ибо изолированной культуры не существует.

Под Слободкой был знаменитый парк «Софиевка».

СЛОБОДКА

«Слобода, слобода, слободка, слободушка — село свободных людей», — сказано в словаре В. И. Даля. Таких слободок было немало на Руси, особенно же много — в Малороссии, где существовало и понятие Слободская Украина. Здесь жили крестьяне, не знавшие крепостного права, вольные ремесленники, мастеравые.

Дед В. А., Иосиф Феодосиевич, в просторечии Осип Федосеевич, прослужил в церкви Слободки 50 лет. У него было три сына и две дочери. Сыновья не захотели наследовать приход, и все надежды дед возлагал на внука. В своих набросках В. А. писал: «Я родился в Каменец-Подольске в високосном 1896 году, в сентябре, 28-го по старому стилю (по новому — в октябре, 10-го), в субботу в полнолуние. Через 10 месяцев, в июле, был крещен моим дедом. В купель уже не влезал, пришлось поливать. Купель я хорошо помню и ножнички, которыми волосья с головы состригали». Он был назван Владимиром в честь благоверного князя, Крестителя Руси. Родился он под созвездием Весов и действительно отличался

Иосиф Феодосиевич и Елена Филимоновна Снежинские

чрезвычайной уравновешенностью, внутренней дисциплиной и любовью к справедливости. Бабушка Елена Филимоновна была из рода Лизогуб-Львовичей³.

В семье говорили по-русски и считали себя русскими, как и большая часть украинской интеллигенции в то время. Любили и хорошо знали русскую литературу, особым вниманием пользовались Гоголь, Аксаков, Короленко, Гончаров, Герцен и Салтыков-Щедрин. Отец Осип любил ученого, богослова и философа XVIII века легендарного Григория Сковороду, в трудах которого отразилась мудрость, накопленная веками трудовой жизни народа. В его трудах названа и главная общая традиция украинской и русской интеллигенции — быть с народом всегда, особенно — в трудные времена, по мере возможности помогать ему.

Двух лет отроду Володя, его мать и младшие сестры Оля, Елена и Нина стали путешествовать с отцом по городам Сибири (1998–1907), только после десяти лет скитаний семья поселилась в Нижнем Новгороде, а Аполлинарий Осипович стал служить в уездных городах Лукоянове и Семенове. Но почти каждое лето Володя отправлялся в Слободку к деду. Там он приобщился к крестьянскому труду, научился хорошо ездить верхом, ухаживать за животными. В одиннадцать лет он уже самостоятельно, с ночевкой ездил на повозке встречать гостей в соседний городок на станцию, без посторонней помощи запрягал и распрягал лошадей. Затем он один ездил на поезде в Киев к любимому дяде Ипполиту.

Отец Осип не имел своей земли, но арендовал участок на корм лошадям и скотине, да чтобы внукам и детям помогать немного, а главное — дать хорошее образование — вечный идеал каждого интеллигента. Был у него сад и пасека, где он любил работать.

В небогатом подольском селе священник был первый и уважаемый человек. Его дом — маленький центр культуры, ибо свои знания батюшка и матушка охотно отдавали крестьянам и двери их дома всегда были открыты. О. Осип выписывал книги, журналы и газеты (например «Сельскую

Ипполит Осипович Снежинский

жизнь», «Пчеловодство», «Малорусские домашние лечебники XVIII века», 1890 г. издания). В Слободке им было создано шестилетнее церковно-приходское училище и построен для него дом. Здесь дед учительствовал, летом же в доме жили внуки и гости. Дом училища считался лучшим в селе. Дом о. Осипа мало отличался от домов прихожан: одноэтажный, глиняный, под соломенной крышей.

Только был цветник перед стеклянными дверями, увитыми диким виноградом, а за ними кадки с олеандрами. Запах олеандра — «брата строфантина» считался полезным для сердца, особенно в жару, а дед к старости стал сердечником. Секреты народной медицины знала бабушка, Елена Филимоновна. Она смотрела за хозяйством, по мере сил просвещала местных крестьянок, помогала в уходе за больными, даже принимала роды. Происходила она из древнего казацкого или сербского рода Львовичей-Лизогубов и тоже была связана с духовенством, ведь жениться священникам можно было только на дочерях священнослужителей. У сельчан матушка имела большой авторитет.

Летом многочисленная родня, приехавшая из городов, помещалась за огромным отполированным временем деревянным столом в саду. За домом был двор, по гуцульскому обычаю окруженный сараями и конюшней. Почти все внуки освоили верховую езду и ухаживали за лошадьми и пони, которых в Подолии разводили и продавали в Англию, для работ в шахтах.

Шестилетнее церковно-приходское училище в Слободке,
основанное И. Ф. Снежинским

Приходские священники — пока что малоизученная у нас тема. Тысячу лет русские пастыри из поколения в поколение крестили, венчали, отпевали, молились и разделяли с народом все тяготы земной жизни, главное же — приучали к жизни духовной.

Однажды о. Осип тайно окрестил еврейскую девушку и обвенчал с гуцульским парнем. Налетела еврейская община, обшарила дом, но не нашла девушку, спрятанную за кадками с олеандрами и густым плющом. Вскоре у деда сгорели стога сена. Но дед отнесся к этому добродушно. Когда же наступал праздник, не было веселее еврейской музыки, и если семья имела средства, на свадьбу непременно приглашали еврейский оркестр. Часто бывали здесь цыгане. По всей Подолии были разбросаны фольварки — хутора с полным хозяйством, порой красивые усадьбы родовитых господ, оставшиеся от польского владычества.

Один из кузенов Володи, Коля Гладыш, студент, привез гектограф и печатал на нем какие-то листовки. Об этом узнал полицейский исправник, приехал искать типографию. Но дед Осип сыграл на словах «типография» и «фотография» и не

очень грамотный «чин» уехал ни с чем. Позднее, читая рассказ А. Аверченко «Городовой Сапогов», молодежь со смехом вспоминала этот случай.

Что бы ни говорили о священниках, но лучшим из них были свойственны высокие нравственные качества, интеллигентность, нестяжание, даже пуританство. «Мы скользим по высоким лицам, историческим персонам, упуская из виду, что создавали Русь, Россию, ее воинство и ее деревню приходские священники, забытые, многодетные, чаще всего нищенствующие... Если мы хотим, чтобы наш народ и вся многонациональная держава восстановила свой духовный потенциал, необходимо подумать о том, что может и должен дать приходский священник»³. Русский священник на Украине, в Подолии имел некоторые особенности, связанные с соседством католической церкви, с давней борьбой за униатскую автокефальную греко-католическую церковь, которая была призвана стать промежуточной, соединяющей православных и католиков, но вместо этого, как показало время, стала разъединять их. Точно к западу через Каменец-Подольский проходила граница распространения этой церкви.

Все три сына о. Осипа — Валериан, Ипполит и Аполлинарий получили хорошее образование, закончили универси-

Аполлинарий Осипович Снежинский

теты. Как отмечал революционный народник писатель С. М. Степняк-Кравчинский, русские университеты в отличие от европейских, были центрами бурной политической жизни. С середины XIX в. университетская кафедра становится открытой политической трибуной для передовой общественной мысли, для прогрессивных сил

России. На университеты были обращены взоры демократически настроенной молодежи. Передовые демократические идеи более всего повлияли на Аполлинария. За участие в студенческих беспорядках 90-х годов он попал в число «неблагонадежных». Он считал себя либералом, но был более поэтом, чем общественным деятелем или юристом.

Всю жизнь он писал стихи, находил в поэзии утешение, любил и прекрасно знал классическую и античную литературу. Хорошо зная несколько языков, он читал в подлиннике Гомера и французских романтиков, переводил стихи Гюго и Сюлли-Прюдома. Остается только пожалеть, что своим сочинениям он не придавал большого значения. В 1923 году, уезжая в Петроград, он оставил пачку своих и сына сочинений хозяину гостиницы в Семенове С. А. Самыгину. Тот обещал прислать их в Петроград, но не сдержал слова, а отдал все М. Горькому. Около сотни стихотворений все же сберегли родные. Конечно, как чиновник из «неблагонадежных», он был на плохом счету. Должность выездного следователя — тяжелая работа, связанная с выездами на место преступления в глухие «медвежьи углы». Было он и мировым судьей, то есть выборным судьей по делам не выше 300 рублей, который должен был мирить стороны. Был членом Нижегородского окружного суда.

Ипполит, талантливый адвокат, имел в Киеве обширную и богатую клиентуру, вел процессы состоятельных евреев, в частности, против нижегородского миллионера, владельца земель, на которых построен город Бердичев (еврейская община арендовала у него землю). Ипполит вел дело как адвокат и выиграл процесс. В 1927 г. его арестовали «за сокрытие церковных ценностей», что тогда, после Указа 1922 г. было предлогом для репрессий (второй указ последовал в 1929 г.). Ничего не найдя, Ипполита освободили, но все перенесенное отразилось на его здоровье и вскоре, в возрасте 52-х лет, он умер.

Старший брат Валериан был действительным статским советником, чиновником по акцизу и жил в Петербурге. Все братья честным трудом заслужили дворянство.

Аполлинарий Осипович как «неблагонадежный» не получив места в центральных губерниях, был вынужден почти десять лет скитаться по Сибири. Жена с детьми поехала вместе с ним. После рождения Володи она некоторое время жила в Туле у своих братьев, Дружининых, Михаила и Николая, оба были инженерами и работали на Оружейном заводе и в железнодорожных мастерских. Один из них был полным Георгиевским кавалером, то есть имел Георгиевский крест всех четырех степеней за храбрость. Мать после родов болела, с этим и связано позднее крещение Володи. Дед надеялся, что внук унаследует приход, и хотел непременно назвать Владимиром в честь крестителя Руси Великого князя Владимира Красное Солнышко. Тульские дяди, по-видимому, погибли во время революции, поэтому о «тульских корнях» в семье избегали говорить. Возможно, что Володя и родился в Туле. Но в те времена крещению, как рождению духовному, придавали большее значение, чем физическому появлению на свет, поэтому у многих людей датой рождения в метрике был записан день крещения, да и саму метрику заменяла выписка из церковной книги.

После революции Аполлинарию пришлось работать в собесе юрисконсультком отдела опеки и детдомов. Став инвалидом, в 1923 г. он выехал в Петроград к сыну, в то время уже командиру РККФ. После смерти жены Аполлинарий женился снова, но вторая его жена, гражданская, в 1937 г. была арестована и в 1941 г. погибла в лагере. В 1924 г. он решил вступить в ВКПб, но принят не был, несмотря на хорошие рекомендации. Так честнейший русский интеллигент и труженик оказался неугодным как в царской, так и в большевистской России.

Анастасия Васильевна была хорошей доброй матерью. Несмотря на вечные скитания, она сумела создать в семье атмосферу деятельной радости, чуждую мелочных придирок и деспотизма.

Она любила детей, верила в позитивный опыт человечества и старалась, как умела, передать свою веру детям. Заботясь о них, она вызывала ответное чувство, незаметно,

Анастасия Васильевна Снежинская
(урожд. Дружинина)

но настойчиво приучала отвечать на любовь любовью, уважением на уважение. Она была музыкальна, имела безупречный вкус и в своем кругу слыла «законодательницей мод», создавая отличные новые платья из старья.

Всем в семье был свойствен некоторый артистизм. Ведь тогда не было ни радио, ни телевидения, — развлекали себя сами.

В молодости вопреки воле родителей Настя уехала из родной Вятки в Москву, на Высшие жен-

ские курсы⁴ и там, в студенческой среде познакомилась с Аполлинарием. Умерла она в 1917 г. от болезни печени.

Семья была обычной семьей русского чиновника, интеллигента-либерала. Влияние бабушки-священника, религиозная нравственность, чувство живой связи с народом и долга перед ним формировали характер Володи.

В предвоенные годы, когда в промышленных центрах подспудно зрело революционное движение, не оставалось уже ни в России, ни в Малороссии таких счастливых уголков, как Слобода. Жизнь с ее политической борьбой добиралась и сюда, в лице бесцеремонных царских чиновников. В 1913 г. идиллии наступил конец. Недостаточно пышно отметил о. Осип трехсотлетие дома Романовых, чем заслужил недовольство начальства. Последовал унижительный выговор и угрозы, после чего дедушка заболел и вскоре умер от болезни сердца. Не пережила его и верная подруга бабушка Елена Филимоновна.

Забота о душе детей, о нравственных сторонах воспитания была непреднамеренной и естественной со стороны всех родных. Это было главным, но в то же время «унижение паче гордости», свойственное русской интеллигенции, не дало развиваться многим способностям Володи. Преклонение перед «богатырями земли русской» было слишком велико. Считалось нескромным рисовать — после Крамского и Иванова, писать — после Гоголя и Тютчева, а способности несомненно были. Но было развито, в сущности, главное: убеждение в том, что все стремления и силы должны быть отданы на благо родного народа, Отчества. К Слободке осталось идиллическое чувство, как часто бывает у детей из «хорошей детской», хотя у Володи не только детской, но и дома-то не было до 11 лет.

Это говорит лишь о том, что понятие «хорошая детская» прежде всего относится к сфере духовного воспитания. Слободка с ее крестьянским бытом оставила неизгладимое впечатление:

Слободка — милее нет слова,
Вдали от нее мы грустим,
И дедушку с бабушкой снова
На будущий год навестим! —

писал Володя.

Любовь к народу была естественна для детей, так как они осознавали себя его частью. Не было в семье никакой барской спеси: демократические идеи глубоко проникали во все сферы русского общества, и этот процесс ничто не могло остановить.

Путешествуя с отцом по России, дети видели неравенство и несправедливость. Это было так непохоже на идиллическую, основанную на законе любви жизнь в Слободке. Часто слыша теперь объяснение плохой подготовки детей трудными условиями жизни, я представляю «хорошую детскую» Снежинских. Зимой сани, летом повозка — и бесконечные переезды то по бескрайним степям, то по лесным просекам. Ночевки на постоялых дворах, житье в наемных квартирах.

«Хорошая детская» детей Снежинских

Тем не менее, дети выросли культурными, воспитанными, начитанными. В 1907 г. в Нижнем Новгороде Володя почти без подготовки поступил в реальное училище.

Родители привили детям любовь к знаниям, литературе, искусству. Книги стали их постоянными спутниками. Приехав в новый город, Володя старался как можно больше узнать о его прошлом, окружающей природе, побывать в театре, музее или цирке. От ярких украинских праздников он сохранил любовь к театральным действиям и, хотя и скрывал это старательно, в Петрограде в 1922 г. поступил в какой-то театр, куда брали всех желающих.

Вятские предки В. А. со стороны матери были из церковных живописцев. Сохранилось свидетельство — небольшая (дорожная) икона св. Анастасии Узорешительницы, на ее оборотной стороне с трудом можно разобрать: «Херасков Апанас Федоров сын лета 1795 индикта изображена Св. Анастасия сыну моему Архипу». По традиции такая икона передавалась дочери или невестке при вступлении в брак, считалось, что св. Анастасия Узорешительница облегчает роды⁵. Эта ико-

на была передана Анастасии Васильевне при ее венчании с Аполлинарием Осиповичем. Дочь Архипа — Ольга Архиповна, бабушка В. А. была замужем за Василием Дружининым, он был вятским губернским архитектором, а до этого — инженером-путейцем, строил Кругобайкальское шоссе и Транссибирскую магистраль.

Бывая в Вятке у деда, Василия Дружинина, Володя видел иную, чем в Подолии, красоту — неповторимую прелесть русского Севера.

О Вятке — «Крутогорске» — замечательно сказал М. Е. Салтыков-Щедрин в «Губернских очерках»:

«Крутогорск расположен очень живописно. Когда вы подъезжаете к нему летним вечером со стороны реки и глазам вашим издалека откроется брошенный по крутому берегу городской сад, присутственные места и эта прекрасная группа церквей, которая господствует над всей окрестностью, вы не оторвете глаз от этой картины. Темнеет. Огни зажигаются и в присутственных местах, и в остроге, стоящих на обрыве, и в тех лачужках, которые лепятся тесно внизу, подле самой воды; весь берег кажется усеянным огнями. И Бог знает почему, вследствие ли душевной усталости или просто от дорожно-го утомления, и острог, и присутственные места кажутся вам «приютами мира и любви», лачужки населяются Филемонами и Бавкидами, и вы ощущаете в душе вашей такую ясность,

Вид на город Вятку с реки

такую кротость и мягкость... Но вот долетают до вас звуки колоколов, зовущих ко всенощной, вы еще далеко от города, и звуки касаются слуха вашего в виде общего гула, как будто весь воздух полон чудной музыки, как будто все вокруг вас живет и дышит, и если вы когда-нибудь были ребенком, если у вас было детство, оно с изумительной подробностью встанет перед вами, и внезапно воскреснет в вашем сердце вся его свежесть, вся его впечатлительность, все верования, вся эта милая слепота, которую впоследствии развеет опыт и которая так долго и так всецело утешала ваше существование».

Так писать мог только глубоко любящий человек, а не бичующий сатирик, каким мы привыкли считать Щедрина.

У Василия Дружинина, когда он стал губернским архитектором, был в Вятке свой дом на берегу реки. По сравнению с мазанкой о. Осипа он казался Володе дворцом. Особенно нравились ему спящие львы, украшавшие столбы ворот, и на всю жизнь он сохранил симпатию к скульптурным изображениям львов — в Архангельском под Москвой или в Алушке у Воронцовского дворца, у Графской пристани в Севастополе, на набережных Ленинграда. Они словно несли привет из далекого детства.

Герб Хлынова (Вятки) это лук со стрелой и крест. Но изображения львов широко распространены в вятской резьбе по «опочскому камню» — песчанику и по дереву, так же как и образ лучистого солнца. Их можно видеть на резном кружеве домов, на воротах или прялках.

Древний русский город Хлынов возник на рубеже XIV и XV веков. Его основали переселенцы из низовьев Северной Двины, из Великого Устюга на древнем Сибирском пути, тракте из Архангельска в Сибирь. Здесь также жил дух независимости, царило «народоправство». Хлыновские «ватаманы» (water man атаман) долго, до 1489 г. не подчинялись Москве, поэтому здесь было мало помещиков и столбовых дворян. Здесь также были слободки, например, у Трифонова монастыря. Жили в них монастырские служки и работники, среди них лучшие в городе мастера — печники, кирпичники, плотники, портные. Издавна славились вятские художники-

иконописцы, украшавшие иконами многочисленные соборы и церкви всей губернии. Славилось и женское искусство — знаменитые кукарские льняные кружева, вятское плетение.

В XVII–XVIII вв. здесь возникла местная школа зодчества, давая уникальные памятники церковной архитектуры, местный хлыновский тип древнерусского бесстолпного храма. Была богатейшая архитектура, самобытная система фигурного кирпичного декора. К сожалению, деревянный Николаевский собор, заложенный в 1770 году и перестроенный в камне Василием Дружининым, в 1932 г. взорван. В семейном архиве чудом сохранился листок из книги с изображением этого собора, а ниже — портрет его архитектора.

Успенский собор, словно корабль под парусами, плыл над стенами Трифонова монастыря. В монастыре замечательна была церковь святых врачей Афанасия и Кирилла, в 1802 г. переименованная в Трехсвятительскую. Вокруг нее стояли больничные палаты, где лечились бедняки, верившие в чудесную помощь святых, в том числе и святой Анастасии, чей образ написал Апанас Федоров сын Херасков, один из предков Володи по линии матери. «Застывшая музыка»

Василий Дружинин и интерьер построенной им церкви (в Вятке)

из камня пробуждалась колокольным звоном, призывая человека от мелких забот к высотам Духа.

А какие люди здесь жили, были ли основания называть Вятку «захолустьем»?

В 1733 г. друг Феофана Прокоповича архиепископ Вятский Лаврентий Горка основал здесь Славяно-греко-латинскую школу. В 1786 г. открылось Главное народное училище, давшее краю много образованных людей. В 1780 г. было учреждено Вятское наместничество, город Хлынов стал губернским центром Вяткой.

Вятские архитекторы, понимая ценность окружавших их памятников старины, соревновались в строительстве зданий, достойных такого наследия. Отличиться здесь было нелегко. Жил в Вятке Александр Лаврентьевич Витберг, сосланный сюда по оговору. Он проектировал и начинал строить в Москве знаменитый собор в память Отечественной войны 1812-го года. Он построил в Вятке несколько сооружений — ворота и ограду городского сада, ротонду в нем, создал оригинальный проект Александрово-Невского собора (построен в 1838–1848 гг.) в стиле романтизированной готики с византийскими элементами. Этот собор также взорван в тридцатые годы.

В губернской Вятке было немало зданий, оград, ворот усадеб, выполненных по проектам Ф. Рослякова и Дюсар де Невиля (губернского архитектора, предшественника В. Дружинина). В XIX в. пышная декоративность уступает место классицизму. В одном из лучших зданий этого стиля помещался Художественный музей города. Здесь еще совсем недавно было много замечательных икон и целые иконостасы из местных храмов, которыми славилась Вятка. Где они теперь?

А знаменитые дымковские игрушки! По преданию, в вятском Дымкове жили переселенцы из слободы такого же названия под Великим Устюгом.

Я уделила столько внимания архитектуре и искусству Вятского края, потому что, если бы не морское училище, то В. А. наверняка стал бы архитектором, как дед Василий. Он хорошо лепил и рисовал, и очень любил архитектуру.

Герцен и Салтыков-Щедрин, жившие здесь в ссылке, не могли не отдать должное природе и людям этого края: «В этом захолустье вятской ссылки, в этой печальной дали, разлученный со всем дорогим, без защиты отданный во власть губернатора, я провел много чудных святых минут, встретил много горячих сердец и дружеских рук», — признавался Герцен в «Былом и думах», одной из любимых книг В. А.⁶

Салтыков-Щедрин писал, что «не надо путать начальство с отчизной». Начальство приходит и уходит, а родина остается с человеком.

Здесь, в Вятке и в губернии, жили художники братья Виктор и Аполлинарий Васнецовы, братья Чарушины — издатель и архитектор, писатель А. Грин, издатель сборника «Вятская незабудка» Ф. Павленко, художник Н. Н. Хохряков, великий К. Циолковский... Жили в губернии В. Г. Короленко, Ян Райнис и польский художник Андриолли. Здесь жил и учился Ермил Костров, первый русский поэт-переводчик Гомера, которого А. С. Пушкин считал наряду с Державиным и Ломоносовым, основоположником современного русского поэтического языка («К другу-стихотворцу»). Это далеко не полный перечень замечательных людей Вятской губернии. Можно ли считать Вятку захолустьем? Давно пришло время по-новому осветить историю этого края и найти для нее не только сатирические тона.

В доме деда Дружинина атмосфера была иная, более строгая, чем в Слободке, не было светлой ласковой легкости, веселья, добродушия. Дед Василий держался очень строгих правил и в воспитании выше всего ставил чувство долга и чести.

Его кредо — быть выше своих вкусов и привязанностей, уметь полюбить то, что должно, а не то, что хочется. Человек прежде всего должен уметь подчинить свое узкое бытие тому, что нужно Родине, это и значит быть ее гражданином. Бабушка Ольга Архиповна была, однако, еще тверже характером и держала мужа в руках. Но дети (четверо) рвались на свободу, и Настя против воли отца уехала на Высшие женские курсы в Москву, а один из сыновей убежал в Одессу, чтобы уплыть на паруснике в дальние страны (в точности, как А. Грин).

Володя Снежинский. Чита, 1903 г.

Позднее Володя побывал и в Туле, где жили братья его матери.

Старинные русские города сменялись долгими дорогами «по диким степям Забайкалья», по берегам Лены, в предгорьях Кавказа. Особенно поразила В. А. река Лена — главная транспортная магистраль, связывавшая Восточную Сибирь, Якутию и Крайний Север. Зимой вся она была покрыта «торосьями» льда. Иногда лед трескался со страшным шумом, подобным пушечно-

му выстрелу. Осенью с гор налетал халан, ветер со снеговой тучей. Все окутывал густой туман, и, если плыли на лодке, иногда часами приходилось стоять.

В мае 1991 г. отмечалось столетие Транссибирской магистрали⁷. Невольно вспоминается эпитафия к стихотворению Н. А. Некрасова «Железная дорога», которое любил читать Аполлинарий Осипович: «— Папаша, кто строил эту дорогу? — Граф Петр Андреевич Клейнмихель, душенька! (разговор в вагоне)». Дорогу строил русский народ, вместе со ссыльными поляками в строительстве участвовал Володин дедушка Василий Дружинин. Впрочем, семейное предание не очень уверено — дорогу или шоссе. Наверное, и то и другое, так как они на протяжении большого отрезка идут рядом. Шоссе начиналось от одной из улиц Иркутска — Кругобайкальской и дальше, выйдя из города, шло по берегу «славного моря».

Может быть, у В. А., при такой частой смене мест, не было чувства «малой родины»? Вся великая Русь, включая Малороссию, Сибирь, Кавказ и Забайкалье, была ему Родиной. Но он рано понял, что Родина — это прежде всего люди, связанные узами любви, дружбы, родства, общим языком и духовными интересами. Тому, кто всю жизнь живет в одном городе, часто трудно представить богатые впечатления человека, до пятидесяти лет прожившего в шестнадцати городах (не считая сел, деревень и заграничных портов):

1896–1898 — Каменец-Подольский, Слободка Кучская

1899–1903 — Иркутск, Зима, Залари, Киренск

1903 — Чита

1904 — Владикавказ

1905–1906 — Тула

1907–1915 — Нижний Новгород

1915–1918 — Петроград

1918 — Нижний Новгород

1919–1920 — Астрахань

1920 — Баку

1920–1921 — Нижний Новгород

1921–1925 — Петроград

1926–1928 — Архангельск

1928–1938 — Севастополь

1938–1941 — Ленинград

1941–1944 — Москва, Ленинград, Астрахань, Омск, Самарканд

1944–1978 — Ленинград

Отец подарил Володе альбом с видами дальних краев и со своими стихами:

Родная Украина, тайга вековая, Кавказ, —

Везде мы с тобою, сынок, побывали.

Великие реки, широкие дали

Простором и волей манили твой глаз.

Угрюмая Лена и славное море Байкал,

Иркутск с Ангараю и Киренск-на-Лене —
Ты, думаю, смутно уж помнишь их ныне,
Как будто о них ты лишь в сказке читал.
На этих открытках увидишь все снова.
Храни же их свято на память былого.

Володя хранил этот альбом несмотря ни на какие «трудные времена» и переезды, как сохраняется человеком самое дорогое.

НИЖНИЙ НОВГОРОД

В 1907 г. Аполлинарий Осипович получил должность в Нижегородской губернии, в Окружном суде, работал в основном в уездных городах Семенове и Лукоянове. Семья наконец «осела» в Нижнем Новгороде, и дети смогли учиться.

Нижний Новгород с 1221 г. был военным форпостом, охранявшим Русь от набегов кочевников-татар, хорошо известна его значительная роль в создании Российского государства, как одного из городов оборонительной линии. В летописи о его основании сказано так: 1221 г. «Лета 6729 Князь Великий Юрья Всеволодович заложил град на устье Оки реки и нарече нов град Нижней и церковь постави соборную архангела Михаила деревянную».

Столетия оставили здесь свои следы: древний Кремль на Дятловых горах, старинные монастыри и пύстыни, церкви и ярмарки.

Гордость Нижнего Новгорода — Всероссийская Нижегородская ярмарка — возникла из Макарьевской ярмарки, которая устраивалась с 1618 г. у стен Макарьевского монастыря на берегу Волги, недалеко от города, напротив села Лысково. Монастырь был основан святым Макарием, уроженцем Нижнего Новгорода. В 1439 г. его до основания разрушили казанские татары под предводительством хана Улу-Махмета. К 1620 г. монастырь восстановили, у стен его устроили ярмарку, чтобы использовать полученные средства на церковь и восстановление монастыря. Со временем ярмарка приобрела большую известность, а после большого пожара в 1817 г. ее перенесли в Нижний Новгород.

Пушкин в «Отрывках из “Путешествия Онегина”» упоминает о нижегородской ярмарке, которую посетил Онегин:

...Перед ним
Макарьев суетно хлопочет,
Кипит обилием своим.
Сюда жемчуг привез индеец.
Табун бракованных коней

Пригнал заводчик из степей,
Игрок привез свои колоды
И горсть услужливых костей,
Помещик — спелых дочерей,
А дочки — прошлогодни моды...

На основе нижегородской ярмарки была устроена Всероссийская промышленная и художественная выставка, торжественно открытая 17 июля 1896 г. Николаем II и ставшая всемирно известной. После революции ярмарка работала с 1923 по 1929 год и с концом нэпа была закрыта. После большого перерыва с 1990 г. она стала возрождаться. В июле 1991 г. Макарьевский монастырь был возвращен епархии. 22 мая 1991 г. ярмарка была торжественно открыта после литургии в Спасском (Староярмарочном, ныне Александра Невского) соборе в день святителя Николая.

Над городом возвышались башни и соборы Кремля. Собор Архистратига Михаила (Архангельский) теперь хранит плиту с саркофага Козьмы Минина. Русский национальный герой, спаситель Руси от польского завоевания был похоронен в Спасо-Преображенском соборе Кремля, который в годы борьбы с церковью был взорван. Но и туда прах Минина был уже перенесен при губернаторе Бутурлине (1830-е годы) из еще более древнего храма.

Кузьма Минин Захарьев-Сухорук (†1616), нижегородский посадский человек, торговец мясом, в сентябре 1611 г. вместе с князем Д. М. Пожарским организовал ополчение, разослал по городам и селам грамоты с призывом к населению собрать средства и людей, чтобы дать отпор польским захватчикам⁸. «От нашего малого города пойдет такое великое дело», — писал он. Неся перед собой икону Казанской Божьей Матери, в конце марта 1612 г. ополчение вышло из Нижнего Новгорода в Ярославль и 22–26 октября того же года полностью освободило Москву от захватчиков. Минин участвовал в боях, за воинскую доблесть и организацию ополчения в 1613 г. получил чин думского дворянина и участвовал в заседаниях Боярской думы, где стал старостой.

С 1908 г. в здании Городской думы выставлялась большая, 48 м², картина К. Е. Маковского «Воззвание Минина», своего рода музей одной картины. Она была на Всероссийской ярмарке, затем в Нижегородском художественном музее, а потом ее почему-то передали в московский музей.

Город вошел в историю как один из центров русской культуры и прогресса. Множество славных имен связано с ним, в том числе Н. И. Лобачевский и И. П. Кулибин, В. Г. Короленко и П. И. Мельников-Печерский, С. Г. Петров (Скиталец), М. Горький, летчик Петр Нестеров, Полина Стрепетова, Милий Балакирев и Федор Шаляпин... и наконец, А. Д. Сахаров.

В наше время Нижний Новгород — крупнейший промышленный центр страны.

Необыкновенно красиво положение города на высоком холмистом берегу Волги у слияния ее с Окой.

В. Г. Короленко назвал Волгу «колыбелью русского романтизма»⁹. Когда Москва была занята французами, в Нижний Новгород приехали многие москвичи, в том числе дядя А. С. Пушкина Василий Львович. Он написал обращение к нижегородцам:

Примите нас под свой покров,
Питомцы волжских берегов.
Примите нас, мы все родные!
Мы — дети матушки-Москвы.

Богата и интересна была культурная жизнь города. На изобразительное искусство оказали влияние древние традиции народных промыслов, а также известная Школа живописи А. В. Ступина в Арзамасе, созданная в 1802 г. и сохранявшая традиции старинной иконописи. В городе постоянно устраивались художественные выставки. Во второй половине XIX века был организован Художественный музей. Первая Нижегородская художественная выставка состоялась 16 марта 1886 г., ее организатор — А. О. Карелин. Это была первая провинциальная художественная выставка в России. Ей посвятил статью в «Русских ведомостях» В. Г. Короленко,

поселившийся в Нижнем Новгороде после ссылки, сам неплохой художник.

А. О. Карелин, художник-портретист, создал здесь Школу рисования, существовавшую почти тридцать лет. Большинство бедных учеников обучалось у него бесплатно, и Карелин за свой счет снабжал их красками и бумагой. После ликвидации Ступинской школы в Арзамасе школа Карелина явилась как бы ее продолжением. О его деятельности писал известный искусствовед А. П. Бахрушин. Кроме того, А. О. Карелин был фотографом. Его великолепные фотопортреты славились, как и фотографии Максима Петровича Дмитриева, который больше внимания уделял сценам городской жизни. Ателье Дмитриева на Осыпной улице в доме № 9 было в 1929 г. у него отобрано, «национализировано» и вскоре перестало существовать (сейчас создан музей им. М. П. Дмитриева).

Сын А. О. Карелина Андрей Андреевич, видный портретист. Известны и его картины на исторические темы, которые он передал в дар Нижегородскому художественному музею, где они находились до 1926 г. После смерти художника его дело продолжили дочери Ольга и Татьяна. Они руководили вечерними классами.

Работал в городе художник и литератор А. П. Мельников, сын писателя П. И. Мельникова-Печерского. В 1895 г. состоялась Вторая художественная выставка. На ней появились работы художниц — М. П. Лукинской и Н. Ф. Буринской. На Всероссийской промышленной и художественной выставке 1896 г. в специальных павильонах, построенных на деньги меценатов, экспонировались картины М. А. Врубеля «Микула Селянинович» и «Принцесса Грёза», а также К. Е. Маковского — «Воззвание Минина», «В древней Руси», «Поцелуйный обряд», «Ромео и Юлия».

Основание Художественного музея ускорило создание творческой организации, чем занялся М. К. Мичурин. 30 января 1901 г. был утвержден устав Нижегородского общества любителей художеств. Помимо ежегодных выставок Общество организовало бесплатные рисовальные классы. Л. М. Диамант, работавший у нижегородского фабриканта

Элухена, прекрасный «прикладник», выставлял свои этюды, пейзажи и портреты, и на выставке 1912 года они были отмечены в числе лучших. Он организовал частную изостудию, явившуюся преемницей классов Карелиных.

Учителем рисования в Мариинском женском институте был видный художник К. П. Померанцев, а известный художник П. В. Нейский преподавал в Первой мужской гимназии.

В Нижегородском Владимирском реальном училище, где учился В. А., учителем рисования с 1908 г. был художник Николай Павлович Попов. Сын почтового чиновника из города Рязска, он окончил Пензенское художественное училище, где занимался под руководством П. К. Клодта и К. А. Савицкого. Его работы получали награды на выставках. В НВРУ он реформировал систему обучения рисованию, составил новую программу для всех семи классов училища, оборудовал кабинет рисования, ввел систему ежегодных ученических выставок. На одном из конкурсов в Академии художеств в Петербурге работы учащихся НВРУ были признаны лучшими, а Н. П. Попов был награжден орденом.

Учащиеся представляли на выставки свои рисунки, акварели и прикладные работы. Два раза в год Попов устраивал экскурсии в Москву, где реалисты познакомились с музеями и памятниками, а также путешествия по Нижегородской губернии — в Макарьев, Городец, Лысково, — где они делали зарисовки. Все это помогло стать профессиональными художниками воспитанникам НВРУ Е. А. Львову, Л. Г. Козину, В. П. Ершевскому. Многие, как С. А. Николаев, друг В. А., стали художниками-любителями. Н. П. Попов организовал в городе курсы, утвержденные Академией, они существовали семь лет. На них училось 150 человек. У Н. П. Попова в НВРУ учился Володя Снежинский, а на курсах — его друг Виктор Соколов (1901–1978), впоследствии известный художник.

«Занятия у Н. П. Попова оказали мне значительную помощь в дальнейшей учебе и работе», — вспоминал В. М. Соколов (архив А. В. Илчевского). После революции В. М. Соколов продолжил дело организации в городе художественного училища и Союза, а также Художественного музея, был его

Виктор Михайлович Соколов

первым директором. Все это после годов разрухи и запустения пришлось начинать почти с нуля. Кроме курсов Н. П. Попова, Виктор Михайлович Соколов учился на курсах В. А. Ликина. Затем он окончил графический факультет ВХУТЕИНа в Москве и вернулся в родной город. Здесь его работы не раз выставлялись. Во время празднования 750-летия города в 1971 г. проходила его персональная выставка. В его многостороннем творчестве отразились история и во-

енная тема («Выход нижегородского ополчения в 1612 году»), индустриальный пейзаж («Строительство автозавода»), у него много видов Волги («Перед концом навигации»), родного города, портреты земляков («Портрет В. П. Чкалова»). Он стал первым председателем Горьковского отделения Союза художников, созданного в 1933 г., был директором Горьковского Художественного музея, преподавал в организованном им Горьковском художественном училище. Работы Виктора Соколова хранятся в Нижегородском Художественном музее и в музеях Москвы и Петербурга. В. М. Соколов представлял талантливую семью нижегородцев Соколовых.

Н. П. Попов высоко ценил способности Володи, считал его будущим художником, отмечал способности к лепке. Трудно сказать, почему это не получилось — пуританское ли воспитание помешало — «унижение паче гордости», свойственное интеллигенции тех лет, или какие-то неизвестные мне причины. Из-за своего «ершистого» в детстве характера Володя однажды на уроке выступил в защиту

бунтарского Бубнового валета, общества художников-новаторов. Это, конечно, Попову не понравилось. Немалую роль сыграло трудное материальное положение семьи; ведь сразу по окончании НВРУ Володя поступил в Отдельные гардемаринские классы (ОГК), так как там было полное обеспечение. Но рисовать его тянуло, и иногда он брался за карандаш и краски, часто чертил фантастические фигуры на полях рукописей.

Нижний Новгород — город высокой музыкальной культуры. С ним связаны имена А. Д. Улыбышева, М. А. Балакирева, В. Ю. Виллуана (скрипач, композитор, педагог). А. Д. Улыбышев — один из первых русских музыкальных критиков, автор изданной в Лейпциге трехтомной монографии о Моцарте и книги о Бетховене. Современник Пушкина, он встречался с ним в кружке «Зеленая лампа». В Нижнем Новгороде в его доме на Малой Покровке устраивались музыкальные вечера, на которые порой приглашали артистов из Москвы. Концерты устраивались два-три раза в неделю, играл обычно квартет, в котором хозяин вел партию скрипки. Бывали и симфонические концерты. Музыкальный кружок Улыбышева был известен и за границей.

Жили и работали в Нижнем Новгороде представители семьи музыкантов Руббахов, пианист Б. Л. Жилинский, Н. Н. Полуэктова, Н. Н. Соколова-Мшанская и О. Ф. Мшанская и многие другие известные музыканты. В музыкальном училище при консерватории учился блестящий пианист и композитор А. Н. Цфасман. Были здесь частные музыкальные школы В. М. Цареградского, В. В. Домелли (школа пения), Народная консерватория, Музыкальное училище, частная фортепьянная и еще несколько музыкальных школ. Город имел свой оперный театр, а в Ярмарочный театр ежегодно приезжала из Москвы на гастроли частная опера Зимина, выступали Фигнер, Собинов, Яковлев, Борисенко и другие. В мае 1896 г. здесь впервые выступил Шаляпин в спектаклях знаменитой частной оперы С. Мамонтова. Н. Н. Соколова-Мшанская организовала народную оперную студию, в которой ставили такие оперы, как «Сказка о царе Салтане»,

«Кашей Бессмертный», «Садко», «Демон», «Вера Шелоба», «Пиковая дама» и «Риголетто».

Волга славится своими песнями. Здесь находился центр музыкальной культуры — Народный дом, который ставил отрывки из опер. В 1918 г. по инициативе руководителя музыкального училища В. И. Виллуана была организована Народная консерватория.

Музыкальная культура города оказала влияние на Галю Знаменскую, будущую жену В. А. Она пела оперные партии в самодеятельных спектаклях. Пел и играл на гитаре ее брат Михаил и сам сочинял песни и романсы. Галина участвовала в спектакле «Боярская свадьба», поставленном в гимназическом кружке, позднее пела партию Ярославны в опере «Князь Игорь». В гимназии она выступала наряду с О. Ф. Мшанской, одноклассницей, впоследствии известной певицей Мариинского театра в Петербурге.

Город был не только «кошельком» России и крупным промышленным центром, но и историческим центром русской интеллигенции, ведь здесь родился и жил 17 лет писатель П. Д. Боборыкин (1836–1921), который ввел в употребление слово «интеллигенция» и изображал ее в своих многочисленных романах (всего у него 100 томов произведений).

НИЖЕГОРОДСКОЕ ВЛАДИМИРСКОЕ РЕАЛЬНОЕ УЧИЛИЩЕ

В 1907 г. Володя поступил в Нижегородское реальное училище, в честь великого князя называвшееся Владимирским (НВРУ).

Система обучения в те годы позволяла каждому, независимо от материального положения, получить начальное образование в бесплатных епархиальных, церковно-приходских и земских училищах. Дальнейшее образование давали реальные училища, где плата была 50 рублей в год, (уклон программы — точные и естественные науки), классические гимназии с платой 100 рублей в год, коммерческие училища для

Здание НВРУ на Большой Покровке, 1913 г.

богатых и дворянские институты для «элиты» — 120 и более рублей в год.

НВРУ открылось в сентябре 1877 г. в доме тогдашнего городского головы Губина на улице Малой Покровке. Учеников было всего 29 человек. В 1885 г. отцы города добились в Городской думе, чтобы для училища было построено здание на улице Большой Покровке. Позднее здесь по соседству находились стадион «Динамо», Филармония и кинотеатр «Палас», а с 1918 г. здание училища занимал главный корпус Горьковского госуниверситета им. Н. Лобачевского, затем его физический факультет.

Питомцы училища тепло вспоминали о своих учителях, прививших им основы нравственности и привычки хорошего воспитания, давших хорошие прочные знания.

В 1913 г. — «итоговом» в связи с 300-летием Дома Романовых, об училище был выпущен фотоальбом, напечатанный в Париже. На одной из фотографий — преподавательский состав: бросается в глаза преобладание мужчин, из 21 преподавателей — 18; служители — также мужчины, судя по медалям на груди — бывшие военные, как теперь говорят, ветераны.

Володя — реалист

Ни они, ни обслуживавшие чайную училища дамы из попечительского совета не считали для себя унижительной эту «техническую работу». Мальчики росли среди мужчин и привыкали чувствовать себя мужчинами. На переменах в любую погоду их выпускали побегать на большой двор позади здания училища.

Традиционно устраивались литературные и музыкально-вокальные вечера. У реалиста В. Зяблицкого до 1970 г. хранилась афиша такого вечера, состоявшегося 26 декабря 1911 г.

Директором училища был Иван Максимович Волкович.

Следует отметить, что в училище уважали все религиозные конфессии и, кроме православного батюшки приглашали на уроки ксензды и пастора (татары и евреи, как правило, учились в своих школах — медресе и хедер). Ученики уважали за справедливость инспектора В. М. Жудро, любили физика Е. В. Надёжина и историка Владимира Ивановича Блюма, ставшего идейным руководителем реалистов перед событиями 1917 г. Не пользовался авторитетом математик Л. И. Красильников. В 1917 г. на квартире В. И. Блюма состоялась традиционная встреча выпускников, в 1918-м Володя ездил в Москву и серьезно беседовал с В. И. Блюмом, который тогда занимал какой-то ответственный пост — то ли в Главреперт-коме, то ли в РОСТА. (Возможно, это он писал статьи об искусстве в московских газетах под псевдонимом «Садко».)

Реалисты любили походы по Нижегородской губернии. В. И. Блюм часто сопровождал их. Но Володя решил организовать свой, «тайный» кружок, что тогда было очень распространено. Учащиеся создавали кружки самого разного толка. У Володи была «пятерка», как-то ассоциативно связанная

с любимыми героями — декабристами. Главным их занятием были походы в Заволжье, летом пешком или на лодках, зимой на лыжах. Володя сам сделал всем оловянные звездочки, которые носили на обороте лацкана. Одна такая звездочка сохранилась у него.

В Нижегородской губернии было что посмотреть. Почти во всех селах тогда существовали кустарные народные промыслы, все дома были украшены причудливой деревянной резьбой, славилась семеновская, хохломская, городецкая роспись. Было много замечательных мастеров, хранителей народного искусства. В старших классах в походах в Комарово и Лысково участвовала с подругами Марусей и Соней Галя Знаменская, ставшая невестой Володи. В лесах Заволжья, особенно Оленевских, Чернораменных и Ветлужских, по берегам Керженца и Ветлуги после реформы церкви скрывались скиты старообрядцев. Река Керженец — символ старообрядчества, была очень живописна, особенно около деревни Мериново. Здесь находилось древнее старообрядческое кладбище с деревянными памятниками на могилах — *глобцами*.

Побывали друзья и на берегах сказочного озера Светлояр («Светлый берег»). Говорят, что на дне его покоится Китеж-град, который иногда можно видеть. Согласно другой,

Реалисты в походе на лодке

старинной легенде, в давние времена город оборонялся от татар и, спасаясь от набега, стал невидимым, превратившись в зеленые холмистые берега. В ночь на Иванов день, с 23 на 24 июня, только праведные добродетельные люди после специального богослужения могли увидеть в водах озера отражение домов и церквей прекрасного града Китежа. В этот день у озера собиралось множество народа: староверы-раскольники и просто верующие спорили или проповедовали, поставив иконы на ветви елей, молились и мечтали увидеть святой град. Звон колоколов Китежа — деталь сомнительная, так как старообрядцы не признают колоколов и вместо них использовали *клепало* и *било* — т. е. доску и палку из дерева. Н. А. Римский-Корсаков в опере «Сказание о неведомом граде Китеже и деве Февронии» объединил две легенды: о граде Китеже и о любви девы Февронии и княжича города Китежа Всеволода Юрьевича, оборонявшего город от татар. Пусть эта прекрасная легенда живет в любом виде, но вызывает тревогу состояние этой народной святыни. Озеро всего в 40 км от г. Семенова, оно небольшое, максимальная глубина — 29,7 м. Сейчас оно высыхает, особенно у юго-восточных берегов,

Реалисты с преподавателем Надежиным